

DOI 10.32726/2411-3417-2022-2-7-24

УДК 339; 327

Наталья Травкина, Владимир Васильев

Циклические закономерности процессов глобализации

Аннотация. Начало специальной операции России на Украине в конце февраля 2022 г. явилось как в США, так и в других странах «коллективного Запада» мощным катализатором значительного числа теоретических и публицистических работ, объединенных тематикой неминуемого конца глобализации, по крайней мере в тех ее формах, в которых она проявляла себя с начала 1990-х годов, то есть на протяжении последних 25–30 лет. Апокалиптические прогнозы на тему «конца глобализации», сменившие теоретические построения в русле оптимистического «конца истории» Ф. Фукуямы, вынуждают посмотреть на современные глобализационные процессы в более широком историческом контексте. Формирование мировой экономики и научно-технический прогресс — как в прошлые исторические эпохи, начиная примерно с последней трети XIX в., так и в наши дни, — порождали и порождают волнообразные глобализационные процессы, в основе которых лежит ряд четко прослеживаемых закономерностей.

Ключевые слова: глобализация, циклические процессы, мировая экономика, мировые войны, неравномерности глобального социально-экономического развития, рост неравенства, политико-идеологические антагонизмы, геополитика, популизм, коронавирусная пандемия.

В марте 2022 г. влиятельное американское издание «Форин афферз» опубликовало статью президента Института мировой экономики Петерсона (г. Вашингтон) А. Позена с резонансным названием «Конец глобализации?», имевшую не менее примечательный подзаголовок: «Какое значение имеет война России на Украине для мировой экономики» [Posen A. The End of Globalization?]. Общий лейтмотив статьи свелся к выводу, что «как теперь кажется вероятным, мировая экономика разделится на блоки, один из которых будет сосредоточен в Китае, а другой — в Соединенных Штатах». Однако квинтэссенция публикации А. Позена по сути исчерпывалась ее общими библиографическими выходными данными: одно из наиболее известных мировых изданий по международной политике «официально» объявило «о конце глобализации», что «было завизировано» авторитетным мнением ведущего американского аналитика и исследователя А. Позена.

Сведения об авторах: ТРАВКИНА Наталья Михайловна — руководитель Центра внутривосточных исследований Института США и Канады РАН, доктор политических наук, travkina.n.m@gmail.com; ВАСИЛЬЕВ Владимир Сергеевич — главный научный сотрудник Центра внутривосточных исследований Института США и Канады РАН, доктор экономических наук, vsvasiliev@mail.ru.

Представление о том, что глобализация подошла к своему логическому завершению, развивалось А. Позеном и многими его коллегами по Институту мировой экономики по меньшей мере с 2017 г. В этом свете публикация в журнале «Форин афферз» может быть интерпретирована в том духе, что последовательное тиражирование «интуитивного предчувствия» ведущих американских специалистов в отношении магистральных направлений развития мировой экономики и мировых политических процессов «наконец-то полностью оправдалось».

Выбор 2017 г. в качестве точки отсчета финального этапа глобализационных процессов конца XX — начала XXI в. носил сугубо политический характер и был обусловлен тем, что в США к власти пришла республиканская администрация Д. Трампа. Апофеозом многочисленных высказываний и рассуждений 45-го президента США о роли и значении неолиберальной глобализации явилась его речь на Генеральной Ассамблее ООН 24 сентября 2019 г., в которой он пафосно заявил, что «будущее не принадлежит глобалистам. Будущее принадлежит патриотам. Будущее принадлежит суверенным и независимым нациям, которые защищают своих граждан, уважают своих соседей и уважают различия, которые делают каждую страну особенной и уникальной» [Trump]. По случайному совпадению или нет, но именно в этот день, 24 сентября, спикер Палаты представителей Конгресса США Н. Пелоси объявила о начале процесса импичмента, т. е. отрешения от власти Д. Трампа [Impeachment of Donald J. Trump]. Вполне возможно, что речь Д. Трампа в ООН, обращенная к мировому сообществу, явилась последней каплей, переполнившей чашу терпения американских либеральных глобалистов. Как отметило в своем комментарии к этой речи Д. Трампа издание «Политико», этот абзац явился «сутью политики Трампа «Америка прежде всего», выражением той же националистической риторики, с которой он выступил в ходе президентской кампании и которая способствовала его победе в 2016 г.» [Kumar].

Изгнание Д. Трампа из Белого дома в 2020–2021 гг. и приход к власти в США неолиберальных глобалистов во главе с Дж. Байденом, казалось, вселили надежду на то, что четырехлетнее пребывание у власти администрации Трампа в 2017–2021 гг. явилось не более чем aberrацией в поступательном шествии процесса глобализации. Однако даже наиболее рьяные поборники глобализации в начале 2022 г. были вынуждены признать, что спустя год пребывания у власти глобалистски настроенной администрации Дж. Байдена все еще предстоит найти непростой баланс между необходимостью «более эффективного смягчения негативных сторон глобализации и противодействием серьезным вызовам демократическому капитализму, даже если признать, что эта администрация предложила обновленное видение открытого, толерантного и инклюзивного мирового порядка, в котором Соединенные Штаты продолжают играть существенную лидирующую роль» [Engel, Hansen].

Спустя буквально неделю после процитированной выше оценки Р. Энгел и Т. Хэнсона «открытый, толерантный и инклюзивный мировой порядок» окончательно канул в Лету, и стало совершенно очевидно, что **объективные экономические закономерности**, предвещавшие скорое окончание глобализации начала XXI столетия (которые

достаточно обстоятельно разбирались, в частности, аналитиками Института мировой экономики Петерсона), имеют в настоящее время куда более важное значение, чем гладко сформулированные политические декларации стоящих у руля государственной власти либеральных президентов-глобалистов.

Заключительные аккорды глобализации: аргументация экономистов Института мировой экономики Петерсона

Отправным пунктом изысканий аналитиков Института мировой экономики Петерсона в 2017 г. стала публикация книги британского экономиста и ведущего сотрудника британского транснационального финансового холдинга HSBC (The Hongkong and Shanghai Banking Corporation — «Гонконгская и Шанхайская банковская корпорация») С. Кинга, имевшей зловещее название «Могильный новый мир». Книга содержала не менее резонансный подзаголовок: «Конец глобализации и возвращение истории»; он-то и стал лейтмотивом последующих разработок американских аналитиков [King].

Летом 2017 г. Институт Петерсона организовал круглый стол с участием С. Кинга, на котором тот представил свое понимание специфики глобализационных процессов в первые десятилетия XXI столетия. По сути, было еще раз подчеркнуто, что глобализация в ее современном понимании имеет «американоцентристское» наполнение. Но если США более или менее твердо будут исповедовать концепцию «конца глобализации», то это еще ни в коей мере не означает, что концепцию «автоматически» воспримут другие страны и региональные центры экономической мощи. Как специалист по экономике КНР, С. Кинг указал, что в продолжении глобализационных процессов заинтересован Китай, который включился в них сравнительно недавно, с момента своего вступления в ВТО в 2001 г. Иными словами, речь идет скорее о фактической «переполюсовке», о смещении главного центра современных глобализационных процессов, о придании им «китаеццентристской» направленности. Отвечая на вопрос о том, насколько «иной будет модель глобализации, формируемой Китаем», С. Кинг заявил: «Американская версия глобализации распространяется не только на экономику, но и ставит во главу угла американские ценности, которым США придают универсальное общемировое значение, считая их применимыми к большинству других стран, в которых США стремятся утвердить либеральную демократию. В то время как китайская версия глобализации отдает приоритет экономическому взаимодействию между странами, и Китай не собирается судить о направленности внутренней политики других стран» [King, Gagnon].

К проблеме конца американоцентристской модели современной глобализации эксперты Института Петерсона впоследствии возвращались неоднократно. Так, уже в феврале 2018 г. А. Позен в своей статье в «Форин афферз» сделал вполне однозначный вывод о том, что исчерпаемость этой модели будет почти наверняка означать наступление целой «эпохи торговых войн», которые будут способствовать тому, что «замедлится экономический рост как в самих США, так и в масштабах всей мировой экономики... Возникший в результате этого беспорядок сделает экономическое бла-

гополучие людей во всем мире более уязвимым в плане политического социал-дарвинизма и международных конфликтов — по сравнению с тем, как было в течение многих предыдущих десятилетий» [Posen The Post-American...].

При этом аналитики Института фокусировали внимание на содержательной стороне глобализации как таковой. В целом выкристаллизовалось понимание, что в основе глобализационных процессов лежат технико-экономические факторы: научно-технический прогресс, революция на транспорте и международные потоки капитала. Каркасом глобализационных процессов стали все увеличивающиеся потоки товаров, услуг и инвестиций в системе международных экономических отношений [What is Globalization?..]. В итоге глобализация в причудливой форме способствовала воспроизведению известного парадигмального взгляда XIX в. на природу общественных отношений, формирующихся на основе дихотомии «экономического базиса и политико-институциональной надстройки». Запустившая в 1990 г. глобализационные процессы финансово-политическая элита США по сути исходила и исходит из представления о сильно выраженной структурно-функциональной симметрии экономического базиса и институционального надстроечного механизма, гарантирующей бесперебойное функционирование «свободных» рыночных отношений в глобальном масштабе. Эта институциональная надстройка представлена пятью основными международными организациями и блоками: 1) созданным в 1944 г. МВФ, членами которого являются 190 стран; 2) ООН (1945 г.), объединяющей 193 страны; 3) Всемирным банком (1945 г.), членами которого являются 189 государств; 4) ВТО (учреждена в 1948 г. в виде Генерального соглашения о торговле и тарифах и преобразована в 1995 г. в ВТО), в которой состоят 164 страны; 5) НАТО (1949 г.), членами которой в настоящее время являются 30 государств [What is Globalization?..].

Легко видеть, особенно применительно к НАТО, что на протяжении последних 25–30 лет все больше нарастал разрыв между экономическими и институциональными составляющими глобализации. Экономическая глобализация объективно вела к возникновению полицентрических форм распределения экономической мощи и научно-технического потенциала в системе международных экономических связей, в то время как «институциональная надстройка» по инерции ориентировалась на американоцентристскую модель глобализации с ее односторонним упором на отстаивание «мира и процветания» для стран «коллективного Запада» и их ближайших союзников в Индо-Тихоокеанском регионе, таких как Япония и Южная Корея.

Однако в экономике самих США, как, впрочем, и многих других промышленно развитых стран Запада, стали нарастать серьезные дисфункции и противоречия, что предопределило усиление негативного отношения к глобализации со стороны широких слоев американского населения. В частности, в период с 2001 по 2016 г. прирост на каждые 100 тыс. рабочих мест в одних отраслях обрабатывающей промышленности США оборачивался потерей 200 тыс. рабочих мест в других отраслях [What is Globalization?..], и в итоге с 2000 по 2017 г. обрабатывающая промышленность США лишилась в общей сложности 5,5 млн рабочих мест [Hernandes]. Помимо этого, по состоянию на 2016 г.

каждый пятый рабочий и служащий в обрабатывающей промышленности США являлся работником иностранной компании, производившей продукцию на территории США, — эта категория занятых насчитывала 2,25 млн человек [Moran, Oldenski].

Самым важным социально-экономическим следствием все большей интеграции американской экономики в систему международных экономических связей явился значительный рост неравенства в распределении доходов и богатств в американском обществе, обусловленный тем, что доходы наиболее состоятельных слоев росли большими темпами. Так, в 2010–2019 гг. средние годовые доходы нижних 80% американского населения росли среднегодовым темпом в 1,9–2,2%, в то время как доходы верхних 20% увеличивались в среднем на 2,8%. Основной причиной этого роста неравенства в распределении доходов была именно глобализация. Как подчеркивалось в докладе Исследовательской службы Конгресса о современных тенденциях распределения доходов в США, «более широкие глобальные силы оказали гораздо более сильное воздействие на усиление неравенства в распределении доходов в США, нежели культурная, экономическая и институциональная среда американского общества и направленность внутренней политики» [The U.S. Income Distribution... pp. 8, 18].

Усиление неравенства в распределении доходов в США прежде всего привело к тому, что доля фактора труда в ВВП США упала до самого низкого уровня за весь период после Второй мировой войны, стабилизировавшись со времени мирового финансово-экономического кризиса 2007–2009 гг. на уровне 60%. В свою очередь, этот фундаментальный сдвиг обернулся нарастанием «политического экстремизма», угрожающего самим основам американской либеральной политической системы. В итоге «на протяжении большей части последних двух десятилетий экономический динамизм США падал, а неравенство в стране росло большими темпами, чем в других демократических странах. Наши [американские] работники после 2000 г. стали менее мобильными. Сократилось число вновь создаваемых фирм и компаний. Корпоративная власть стала более концентрированной, а инновации замедлились» [Testimony to the Select Committee... p. 18].

Квинтэссенцией аналитических изысканий экономистов и экспертов Института Петерсона в определении пределов современных глобализационных процессов явилась статья ведущего эксперта Европейского совета по международным делам Ж. Пизани-Ферри. Автор сформулировал тезис, что по мере углубления глобализации на смену узкогеоэкономической составляющей постепенно пришли традиционные геополитические расчеты и концепции. На рубеже 1980-х — 1990-х годов главную роль приобрели «экономисты. На протяжении трех последующих десятилетий министры финансов и председатели центральных банков стали всерьез думать, что именно они управляют миром». При этом архитекторы экономической политики исходили из постулатов теории экономической конвергенции, в рамках которой достижение подразумеваемых геополитических целей — обеспечение глобального господства «коллективного Запада» и его союзников в других регионах мира — должно быть обеспечено исключительно за счет растущей «открытости» экономических систем как таковых: «В той степени,

в какой экономической открытость способствовала распаду Советского Союза, ожидалось, что она же приведет Китай к сближению с западной моделью. В остальном политико-идеологическое вмешательство оставалось ограниченным». Но подъем Китая и его растущее геополитическое соперничество с США «положили конец этой эпохе. С провалом конвергенции через экономическую интеграцию геополитика вернулась на первый план» [Pisani-Ferry].

Постоянное обсуждение проблемы «конца глобализации» с 2017 г., по крайней мере в её «американоцентристском издании», в конечном итоге привело к необходимости взглянуть на проблему с более широких исторических позиций, трактуя становление мировой экономики как волнообразный процесс последовательной смены периодов глобализации и «деглобализации». В качестве основного и по сути единственного показателя был выбран индекс открытости мировой экономики, измеряемый отношением объемов внешнеторгового оборота к мировому ВВП, начиная с 1870 и кончая 2017 г. По оценке известного экономиста Д. Ирвина, за 150 лет становления мировой экономики можно выделить пять периодов, в течение которых происходил перепад в значениях этого индекса. При этом понижательная тенденция являлась верным и наиболее надежным индикатором «завершенности» очередного этапа глобальной интеграции национальных экономических систем. Оценки Д. Ирвина суммированы в таблице 1.

Таблица 1

Периодизация волн глобализации по индексу открытости национальных экономик на протяжении 1870–2017 гг., %

№	Временной период	Характеристика периода	Значение индекса торговой открытости
1.	1870–1914 гг.	Индустриализация и первая волна интеграции	1870 г. — 17,6% 1914 г. — 29,0%
2.	1914–1945 гг.	Период двух мировых войн	1945 г. — 10,1%
3.	1945–1980 гг.	Послевоенное восстановление мировой экономики	1980 г. — 39,5%
4.	1980–2008 гг.	Либерализация мировых экономических отношений	2008 г. — 61,1 %
5.	2008–2017 гг.	«Слоубализация» — замедление глобализационных процессов	2017 г. — 53,5%

Источник: [Irwin].

Период с 1870 по 1914 г. можно считать первой волной глобализации, когда индекс торговой открытости национальных экономик возрос почти в два раза. Этот период продолжался 44 года. Ему на смену пришел период двух мировых войн, включая межвоенный интервал, в общей сложности — 31 год; за это время индекс торговой открытости национальных экономик опустился до самого низкого значения, составив в 1945 г. немногим больше 10%. Далее следовали два длительных периода прогрессирующей интеграции национальных экономик. Один — продолжительностью 35 лет, в течение

которых мировая экономика в целом оправилась от последствий Второй мировой войны. В 1980 г. индекс торговой открытости достиг почти 40%, а в последующие 28 лет, перевалив за отметку 50%, продолжал расти вплоть до 2008 г., когда он превысил 60%, достигнув рекордного значения. В этот период, особенно после 1990 г., когда началась нынешняя волна глобализации, внешнеторговые связи и международные потоки капиталов превратились в основной локомотив экономического развития большинства ведущих экономик мира, породив чрезвычайно противоречивую картину положительных и отрицательных эффектов как на национальном, так и на региональном уровне. Падение индекса торговой открытости национальных экономик к отметке в 50%, возможно, является важнейшим показателем естественных ограничителей поступательных глобализационных процессов, поскольку в конечном итоге основой мировой экономики являются именно развитые национальные экономические системы как «естественные» центры научно-технического прогресса и революций в транспортных системах.

В этой связи следует отметить, что США имели и имеют сравнительно небольшое значение индекса торговой открытости своей экономики: он составлял в 1970 г. всего 10%, к началу 1990-х годов удвоился и достиг 20%, а в 2019 г. не превышал 26% [Djankov, Huang, Jung]. Но даже несмотря на сравнительно невысокий индекс торговой открытости американской экономики, интенсивные глобализационные процессы за 30 лет постепенно привели к растущей политической и идеологической поляризации американского общества, которая, в свою очередь, выступила мощным фактором трансформации геоэкономики в геополитику.

Три волны глобализации

В настоящее время среди специалистов по истории глобализационных процессов более или менее твердо устоялось представление, что глобализация носит волнообразный характер и смена циклов глобализации подчиняется достаточно хорошо прослеживаемым закономерностям. Первая волна глобализации (1870–1914 гг.) считается классической, в ходе нее проявили себя все базовые закономерности глобализационных процессов применительно к мировой экономике и мировой политике в целом, в той или иной форме действовавшие и в последующие 100 с лишним лет. Принципиальная особенность второй волны (середина 1940-х — начало 1980-х годов) состояла в том, что интеграционные процессы в мировой экономике протекали в условиях мира, разделенного на противоположные социально-экономические системы — капиталистическую и социалистическую. В этих условиях ускоренная интеграция происходила в рамках двух достаточно обособленных друг от друга политических и социально-экономических лагерей, между которыми шла острая конкурентная борьба по всем «точкам соприкосновения». Эта борьба привела к формированию Европейского экономического сообщества (ЕЭС), в которое в период с 1957 по 1993 г. входили 12 европейских государств, и Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), объединявшего в период с 1949 по 1991 г. преимущественно социалистические страны Восточной Европы, а также Монголию и Кубу. Наконец, третья волна глобализации стала проявлять свое действие с начала 1990-х годов.

Согласно обобщенной оценке видного экономиста профессора Р. Болдуина, первая волна глобализации, или «глобализация 1.0.», «имела место до Первой мировой войны, а в ее основе лежало небывалое снижение торговых издержек благодаря паровым двигателям и другим механизмам преобразования энергии в механическую работу, которые впервые сделали экономически оправданным потребление товаров, произведенных в дальних странах. Эта глобализация происходила практически без всякой государственной поддержки. Глобального управления не было, если не рассматривать британский флот в качестве заменителя ООН, Банк Англии — в качестве МВФ, а курс Великобритании на свободу торговли — как предшественницу ВТО. Одновременно почти отсутствовала внутренняя политика с целью распределения выгод и утрат от более интенсивного международного товарного «арбитража» [Baldwin].

Вторая волна глобализации, начавшаяся после окончания Второй мировой войны, была обусловлена тем, что «капитализм в его классических формах был видоизменен в США под влиянием «Нового курса» Ф. Рузвельта, а в других промышленно развитых странах — под влиянием рыночно ориентированной социал-демократической политической системы. Коммунистические страны также претерпели изменения после кончины Сталина и Мао. Именно эти факторы сделали возможной вторую волну глобализации» [Baldwin].

И, наконец, третья волна глобализации была порождена революцией в цепочках поставок, которая позволила трактовать мировую экономику в качестве «голографического расширения» фабрично-заводского производства. До 1980-х — 1990-х годов основными передаточными звеньями инноваций и научно-технических знаний были государства и их структуры; на протяжении всего последующего периода основным двигателем научно-технического прогресса в масштабах глобализирующейся экономики стали транснациональные корпорации (ТНК). Общим итогом этого фундаментального сдвига явилась деиндустриализация таких промышленно развитых стран, как США, Великобритания, Германия, Франция, Япония, Канада, Италия, и индустриализация некогда бедных и в промышленном отношении отсталых стран — таких как Китай, Индия, Южная Корея, Малайзия, Сингапур, Вьетнам и Турция [Baldwin, Okubo, p. 59]. Основной движущей силой третьей волны стало распространение научно-технических знаний и технологий, а не торговые отношения как таковые. По авторитетному заключению Р. Болдуина, «этот новый тип глобализации, основанной на знаниях, привел к совершенно противоположным результатам. Во-первых, знания, как правило, не являются конкурентами по отношению друг к другу, поэтому трансграничные потоки «ноу-хау» по форме больше похожи на процессы распространения, а не на сделки товарообмена как такового. Во-вторых, потоки научно-технических знаний и технологий носят ярко выраженный асимметричный характер, поскольку то и другое имеется в избытке в небольшом количестве стран с развитой экономикой и в недостатке — в большинстве других стран за их пределами» [Baldwin, Okubo, p. 54].

Как следствие, третья волна глобализации привела к появлению устойчивых социальных групп «победителей» и «проигравших» — не столько на межстрановом, сколько-

ко на национальном уровне, в масштабах каждой страны. При этом, если прежде различные социальные группы конкурировали между собой преимущественно в пределах национальных экономик (например, высококвалифицированные работники — со средне- и малоквалифицированными), то возникновение глобальных воспроизводственных процессов, построенных на транснациональных цепочках поставок, привели к тому, что высококвалифицированные работники одной страны стали конкурировать со средне- и малоквалифицированными работниками других стран, что объективно способствовало усилению международной напряженности в отношениях «всех стран со всеми».

Причудливое распределение победителей и проигравших в ходе глобализационных игр видно из данных, приводимых в таблице 2.

Таблица 2

**Победители и проигравшие в ходе третьей волны глобализации
в развитых и развивающихся странах**

Развитые страны		Развивающиеся страны	
Победители	Проигравшие	Победители	Проигравшие
Богатейший 1% населения	Работники трудоемких отраслей экономики	Средний класс	Беднейшие 5% населения
Высококвалифицированные работники	Фирмы малого и среднего бизнеса	Работники экспортноориентированных отраслей экономики	Страны, не имеющие выхода к морям и океанам
Научеёмкие отрасли экономики	Средний класс и малоимущие слои населения	Высококвалифицированные работники	Отдаленные сельскохозяйственные районы
Потребители		Работники, которые могут эмигрировать в высокоразвитые страны	Малоквалифицированные работники
			Фирмы малого и среднего бизнеса

Источник: [Ülgen, Inan]

Транснациональная модель распределения издержек и выгод современной волны глобализации объективно ведет к нарастанию иррационализма как в настроениях правящих кругов большинства стран мира, в том числе наиболее развитых, так и среди общественности государств, в наибольшей степени вовлеченных в интеграционные процессы. Происходит потеря традиционных ориентиров в определении первопричин и первоисточков нарастающих политических и социально-экономических противоречий общественного развития на национальном, региональном и глобальном уровнях. Возникает ситуация «крайнего замешательства в мировых интеллектуальных кругах», поскольку «классические теоретические модели оказываются полностью несостоятельными», а «новые формы рациональной мысли все еще пребывают в зачаточном состоянии, что и ведет к различным видам экстремизма» [Kung, p. 28].

Глобализация в период 1870–1914 гг.: классическая модель

Углубленный анализ глобализационных процессов в период 1870–1914 гг., который иногда называют «золотым веком» глобализации [The First “Golden Age”...], принципиально важен с точки зрения двух основных моментов, имеющих прямое отношение к возможному исходу нынешней, третьей волны глобализации. Первый момент состоит в том, что глобализация, начавшаяся в последней трети XIX в., как и глобализация, стартовавшая в начале 1990-х годов, имела в качестве отправной платформы единую капиталистическую систему хозяйствования. В классическом виде глобализация, начавшаяся в 1870 г., «отличается от всех возможных предыдущих фаз мировых интеграционных процессов тем, что имела в качестве стартовой позиции капитализм, а не систему международной торговли как таковую» [Rennen, Martens, p. 138].

Капиталистическая система хозяйствования сосредоточена на последовательном инвестировании и реинвестировании прибылей, что фундаментально отличает ее от предыдущих форм интеграционных процессов, в ходе которых полученные «свободные средства либо сберегались, либо расходовались на сооружение зданий общественного назначения, таких как церкви, или на приобретение произведений искусства, таких как художественные картины или ювелирные изделия» [Rennen, Martens, p. 138]. Функция последовательного и повторяющегося инвестирования полученных прибылей придавала глобализационным процессам определенные логику и направленность, которые имели циклическую природу. Продолжительность инвестиционных циклов в 1870–1914 гг. колебалась в среднем в пределах 13–30 лет, и, самое главное, «международные инвестиции в целом были полностью синхронизированы с мировым деловым циклом, увеличиваясь в периоды бума в мировой экономике и падая в период мировой рецессии» [Bloomfeld, p. 14].

Эта фундаментальная особенность инвестиционных процессов не только предопределяла циклический характер глобализационных волн как таковых. Применительно к глобализации 1870–1914 гг. она поставила во главу угла острую — и чрезвычайно злободневную — проблему: не явилась ли Первая мировая война, начавшаяся в 1914 г., *прямым логическим следствием (и завершением)* всей совокупности глобализационных процессов, происходивших на протяжении предыдущих 44 лет? Надо признать, что американские и европейские исследователи глобализационных процессов избегают давать прямой ответ, полагая, по всей видимости, что война явилась «внешним шоком» по отношению к глобализации, не имеющим почти никакого отношения к специфике и особенностям последней.

Так, по заключению европейских экономистов Г. Додена, М. Мориса и К. О’Рурке, на рубеже XIX–XX вв. западноевропейские правительства «успешно справлялись с политическими вызовами глобализации, временами ослабляя протекционистский режим средствами внутреннего законодательства, а иногда и уступая им. Мировая торговля могла бы расти более медленными темпами после 1914 г., даже если бы не вмешалась война, а политические вызовы могли бы носить еще более серьезный характер,

но в целом ситуация в 1920-е и 1930-е годы в Европе была бы совершенно иной, если бы не Первая мировая война» [Daudin, Morys, O'Rourke, p. 18].

Вместе с тем эти исследователи, не видя прямой причинно-следственной связи между глобализационными процессами и Первой мировой войной, не могли не признать, что все основные направления глобализации в тот период — увеличение объемов торговли, расширение международных инвестиций, возрастание миграционных потоков между европейскими странами, не говоря уже о расширении колониальных владений ведущих европейских стран в течение 1870–1914 гг. — объективно натолкнулись на мощную систему противодействий. В свою очередь, умножение числа барьеров на пути глобализационных процессов фактически приостановило их развитие, не оставив ведущим европейским странам того периода (таким как Великобритания, Франция, Германия, Австро-Венгрия, Италия и Россия) никаких других возможностей продолжить глобализацию, кроме как военными методами.

В сфере *международной торговли* товарооборот между европейскими странами рос ежегодным темпом в 6,8%, что привело к заметному увеличению объемов европейской торговли по отношению к ВВП, который увеличился с 29,9% в 1970 г. до 36,9% в 1913 г. [Daudin, Morys, O'Rourke, p.2]. Межъевропейская торговля в тот период развивалась по классической схеме, в рамках которой промышленно развитые страны экспортировали готовые изделия, а аграрные страны — сельскохозяйственную продукцию, сырье и полуфабрикаты. Из-за этого возникали хорошо известные торговые дисбалансы в ущерб аграрным странам, которые постепенно стали усиливать протекционистские меры по защите своего внутреннего рынка, в результате чего «глобализация стала подрывать саму себя. Более того, усиление аграрного протекционизма стало носить перманентный характер». [Daudin, Morys, O'Rourke, p. 17].

В сфере *международных инвестиций* в 1914 г. на долю Великобритании (42%), Франции (20%), Германии (13%), а также Бельгии, Голландии и Швейцарии пришлось в общей сложности 87% всего их объема [Daudin, Morys, O'Rourke, p.4]. Стремительный рост международных инвестиций мог происходить только за счет оттока капиталов, жизненно важных для развития национальных экономик, что приводило к росту безработицы и нарастанию социальной напряженности внутри ведущих европейских государств. Неукоснительное следование политике золотого стандарта, при которой американский доллар мог свободно обмениваться на тройскую унцию, т. е. на 31,1 г золота, подрывало систему золотого стандарта вследствие колоссальных объемов оттоков капитала, за которыми следовали и потоки золотых запасов. Этот процесс объективно «вел к тому, что внешние рынки капиталовложений подрывали сами основы глобализации» [Daudin, Morys, O'Rourke, p.18].

Вслед за потоками капиталов хлынули потоки иммигрантов, главным образом из европейских государств в США и страны Латинской Америки. До Первой мировой войны иммиграционные потоки оказывали противоречивое влияние на мировую экономику. Поскольку из Европы в Новый свет устремилась преимущественно малоквалифициро-

ванная рабочая сила, в европейских странах началось повышение средних заработков относительно высококвалифицированной рабочей силы, а в странах Нового света возник процесс компрессии зарплат большей части контингентов рабочей силы, особенно в сегменте малоквалифицированной рабочей силы. Достаточно в этой связи отметить, что с 1870 по 1910 г. численность рабочей силы в Ирландии уменьшилась на 45%, в Италии — на 39% и в Норвегии — на 24% [Daudin, Morys, O'Rourke, p. 11]. Страны Нового света стали постепенно ужесточать свое иммиграционное законодательство, стремясь поставить действенные преграды на пути потоков рабочей силы из европейских стран. Рост зарплат и повышение жизненного уровня значительных контингентов рабочей силы в ведущих европейских странах способствовал росту активности рабочего движения, образованию профсоюзов, которые стали требовать расширения социальной сферы и принятия масштабного трудового законодательства. Подъем рабочего движения шел до известной степени вразрез с интересами финансово-экономических кругов этих стран, которые стремились укреплять свое влияние прежде всего в системе международных экономических отношений.

Все эти противоречивые тенденции наложились на, возможно, главную ось развития геоэкономики и геополитики в период 1870–1914 гг. — дальнейшую судьбу **имперских образований ведущих европейских стран**. Этот период характеризовался стремительным ростом имперской мощи: если в 1880 г. площадь колоний европейских держав составляла 24,5 млн кв. км, на которых проживало 312 млн человек, то к 1913 г. их площадь выросла более чем вдвое, достигнув 52,5 млн кв. км, а число жителей увеличилось до 525 млн человек. Причем в 1880 г. 93% территории всех колониальных владений, с 87% населения колоний, принадлежало Великобритании, но к 1913 г. ее доля сократилась до 51% и 71% соответственно [Daudin, Morys, O'Rourke, p. 14].

Старым колониальным державам — Великобритании, Франции, Голландии, Испании и Португалии — все активнее противостояли «новые колонизаторы»: Германия, Италия и Бельгия. Имперское мышление, деление не только колониальных, но и самих европейских стран на «свои» и «чужие» территории, «свои» и «чужие» сферы влияния было альфой и омегой геополитической и геоэкономической стратегии Великобритании и Франции, с одной стороны, и Германии и Италии — с другой. Экономике также пронизывало имперское мышление. Великобритания и Франция в 1870–1914 гг. были основными движущими силами глобализационных процессов, подобно США в начале 1990-х годов. Как подчеркивал британский историк, проф. Оксфордского университета Э. Томпсон, идея «империй... стала центральной концепцией глобализированного мира» [Thomas, Thompson, p. 142].

Более того, все грани глобализационных процессов того периода — экономические, культурологические, политические, идеологические и многие другие — воспринимались правящими элитами Великобритании и Франции, а также других ведущих европейских стран через призму построения и формирования своих имперских образований. Имперская идея в 1870–1914 гг. была тождественна глобализации. «Империи играли роль могущественных спонсоров глобализации и транснациональных импуль-

сов и идей, лежащих в ее основе» [Thomas, Thompson, p. 145]. Период 1870–1914 гг. может быть охарактеризован как время «имперской глобализации», и с этой точки зрения цивилизационная катастрофа, какой явилась Первая мировая война, охарактеризованная немецким философом О. Шпенглером как «Закат Европы», была логическим следствием и продолжением всего многообразия процессов, составлявших в тот период «ткань» глобализации.

Теоретическое объяснение циклической смены волн глобализации

Процессы глобализации, понимаемые как последовательная унификация и нивелирование различных общественных сфер все возрастающего круга стран, имеют хорошо прослеживаемую логику, которая предопределяла последовательную смену глобализационных волн. Эта логика обусловлена «вертикальным» распространением процессов глобализации от экономической сферы к политической и идейно-духовной. Во всех трех волнах глобализации исходной была технико-экономическая сфера. В силу своих структурно-функциональных качеств она является идеальным объектом унификации, что и порождает феномен функционирующей по одинаковым правилам и стандартам мировой экономики.

Процессы глобального нивелирования технико-экономической сферы с течением времени не могут не затрагивать «надстроечные» сферы: 1) политическую; 2) социально-культурную; 3) сферу национальной безопасности, основой которой является военная безопасность; 4) сферу природной среды данного общества [Al-Rodhan, pp. 4–7]. Однако по мере распространения процессов унификации на более высокие по сравнению с технико-экономической сферой уровни нарастает и синдром отторжения, невосприимчивости этих сфер к нивелированию. Особенно сильно эта несовместимость прослеживается на примере социокультурной сферы, которая неизменно выступала зоной, порождающей антиглобалистские и националистические движения и идеологии, именно по причине того, что нивелирование по сути является «формой разрушения национальных культур и национальной идентичности» [Al-Rodhan, p. 5].

Сфера национальной безопасности в условиях глобализации выступает как важнейший фактор и источник международных конфликтов с применением военной силы; кроме того, эта сфера подчиняется закономерностям научно-технического прогресса, что означает появление новых систем и видов вооружения, а начиная с 1945 г. — и оружия массового поражения. «В истории глобализации, — подчеркивалось в докладе Женевского центра изучения политики в области национальной безопасности, — множество факторов способствовало возникновению серьезных международных кризисов, включая две мировые войны, Корейскую войну (1950–1953 гг.), войну в Индокитае (1962–1975 гг.); сюда же следует отнести и создание ядерного оружия. Все эти события внесли свой огромный вклад в усиление глобальной нестабильности...» [Al-Rodhan, p. 5]. Тем самым накапливается потенциал возникновения мировых военных катаклизмов, что и произошло, в частности, летом 1914 г.

Глобализация оказывает крайне противоречивое влияние на состояние природной окружающей среды. Ухудшение ее качества, а в последние десятилетия и необратимые изменения климата на нашей планете, с одной стороны, подчеркивают важность сохранения природной среды как общей задачи всего человечества, а с другой — выступают серьезнейшим барьером на пути развития глобализационных процессов как вглубь (освоение космического пространства и просторов Мирового океана), так и вширь (с точки зрения расширения их географии). Глобализация потенциально оказывает «разрушительное действие на состояние качества природной среды. По мере роста населения на планете резко возрастают потребности в увеличении производства товаров и услуг, что в конечном итоге увеличивает нагрузку на природную среду и природные ресурсы, ведет к их истощению» [Al-Rodhan, p. 7].

В целом поступательная глобализация все большего числа общественных сфер умножает количество барьеров и преград для первоначальных глобализационных импульсов и тенденций, что с течением времени и ведет к окончанию очередной волны глобализации. Важно при этом иметь в виду, что «ростки» антиглобализационных/ антиглобалистских тенденций закладываются уже на стадии технологической и экономической интеграции, оборачиваясь серьезнейшими дисфункциональными расстройствами в деятельности «надстроечных» общественных сфер. Специфика нарастания антиглобалистских тенденций по мере поступательного развития глобализационных процессов суммирована в таблице 3.

Таблица 3

Диалектика взаимосвязей глобализационных и антиглобализационных процессов в общественных сферах

Общественная сфера	Эффекты поступательной глобализации	Эффекты нарастающих антиглобалистских тенденций
Экономика	Растущая интеграция мировой экономики	Новые дисбалансы, растущее неравенство, учащающиеся мировые финансово-экономические кризисы
Политика	Космополитические демократические системы	Автократические режимы, суверенные государства, полицентричный миропорядок
Культура	Единая неолиберальная система мировых ценностей	Национализм, экстремизм, столкновение цивилизаций
Направленность исторического процесса	Глобализация как форма гармонизации международных отношений, «демократии с демократиями не воюют», «единое человечество»	Нарастание международных катаклизмов, мировые войны, увеличение конфликтов с потенциальным применением оружия массового поражения, деглобализация, «мировой апокалипсис»

Составлено по: [Martell, p. 177].

Важнейшим симптомом нарастающих антиглобалистских тенденций на рубеже 2010–2020-х годов стало появление мощных популистских и экстремистских настроений правой и левой направленности в политической культуре США, как, впрочем, и других западных стран — что, вероятно, является самым верным признаком приближающегося конца третьей волны глобализационных процессов.

Нарастание популизма: “*Finita la globalizzazione*”?

Фундаментальной особенностью третьей волны глобализации стало прогрессирующее увеличение неравенства в распределении доходов как на уровне ведущих стран мира, так и в мировом глобальном сообществе в целом. Эта тенденция начала отчетливо проявлять себя в США, стране — «законодателе мод» глобализационных процессов, с начала 1990-х годов. Если в 1990 г., согласно данным официальной американской статистики, коэффициент Джини составлял 0,406, то спустя 30 лет, в 2019 г., он достиг величины 0,469, т. е. увеличился более чем на 15% [Shrider, Kollar, Chen, Semega, p. 41]. Коэффициент Джини показывает степень неравенства в распределении доходов в интервале от 0 (абсолютное равенство) до 1 (абсолютное неравенство). Согласно результатам исследования, проведенного австрийским экономистом Ф. Хаймбергером, глобализация в целом увеличивает степень неравенства в распределении доходов как в развитых, так и в развивающихся странах, при этом — что особенно важно — основной вклад в рост неравенства вносит именно финансовая глобализация, а не растущая интеграция мировых торговых связей [Heimberger, p. 2978].

Прогрессирующий рост неравенства в распределении доходов, затрагивающий жизненно важные интересы подавляющей части любого общества, вовлеченного в процессы глобализации, выступает в форме своеобразной «шоковой терапии», показывая населению реальный эффект внешней торговли, иностранных инвестиций и финансовой интеграции. Сюда же следует отнести и фактор торговых войн и санкционной политики, которые на рубеже 2010-х — 2020-х годов стали активно внедрять страны «коллективного Запада». Этот фактор оказался обоюдоострым оружием. В итоге, как подчеркивает известный американский специалист по вопросам глобализации, проф. Гарвардского университета Д. Родрик, политическим деятелям как правого, так и левого спектров идеологических убеждений оказалось сравнительно просто мобилизовать широкие массы избирателей, апеллируя к «классовым различиям в распределении доходов». Глобализация, разрушая устоявшиеся виды «социальных контрактов», стала регулярно вбивать клинья и создавать общественные изломы «между капиталом и трудом, квалифицированными и неквалифицированными работниками, работодателями и служащими, глобально мобильными специалистами и местными производителями, конкурентными и неконкурентными отраслями экономики, городами и сельской местностью, космополитами и патриотами, элитами и простыми людьми» [Rodrik, p. 24].

Популизм всех видов и оттенков явился также следствием воздействия «шоковой терапии» на традиционные демократические институты и устоявшиеся политические демократические системы ведущих западных стран, прежде всего США. Причина в том, что «неолиберальный альянс западных демократий», ориентированный вовне, не мог не подразумевать серьезного реформирования самих основ политической демократической системы, ориентированной традиционно на решение внутренних проблем. «Экстравертная демократия» оказалась несовместимой с «интровертной демократией». Эта несовместимость отчетливо проявила себя именно в условиях глобализации, поскольку «глобальный капитализм является необычным и сравнительно новым фе-

номеном» [Milner, p. 1098]. В итоге на протяжении 2010-х годов возникли достаточно мощные преграды на пути развития либеральных политических демократических систем. И хотя по состоянию на 2020 г. в мире насчитывалось 92 страны, формально имевших подобного рода политическое устройство, однако в них проживало не более 1/3 населения земного шара. Более того, уже началось попятное движение в сторону автократических режимов, и этим процессом в настоящее время затронуты порядка 25 стран [Milner, p. 1098].

Последний удар — возможно, самый мощный — по третьей волне глобализации нанесла и до сих пор наносит коронавирусная пандемия. Ее катастрофическое воздействие на современное человечество обусловлено именно процессом глобализации, открытостью большей части современных обществ. С начала 2020 г. к лету 2022 г. коронавирусом переболело в мире свыше 530 млн человек, он унес 6,3 млн человеческих жизней, в том числе 1,0 млн только в США [Coronavirus Resource Center].

Вполне возможно, что коронавирусная пандемия, усиливая популистские и иррациональные настроения среди населения земного шара, погрузит как мировую экономику, так и большую часть стран в состояние, схожее с Великой депрессией 1930-х годов. Экономика неопределенно долго будет находиться в стагнационном состоянии, а падение значений ряда ключевых ее показателей будет измеряться двузначной величиной [Olivie, Santos, p. 10]. Кризисное состояние мировой экономики в условиях коронавирусной пандемии будет способствовать еще большей фрагментации мирового сообщества, усиливая в колоссальной степени вероятность масштабных межгосударственных конфликтов с применением новейших систем вооружения.

Литература

- Al-Rodhan N.* Historical Milestones of Globalization. Program on the Geopolitical Implications of Globalization and Transnational Security. Geneva Centre for Security Policy. 19.06.2006. — URL: [academia.edu/2969716/Historical_Milestones_of_Globalization-The_International_Relations_and_Security_Network_ETH_Zurich_June_19_2006](https://www.academia.edu/2969716/Historical_Milestones_of_Globalization-The_International_Relations_and_Security_Network_ETH_Zurich_June_19_2006) (date of access: 07.06.2022).
- Baldwin R. and Okubo T.* GVC journeys: Industrialisation and Deindustrialisation in the Age of the Second Unbundling // *Journal of the Japanese and International Economies*. June 2019. Pp. 53-67.
- Baldwin R.* If this is Globalisation 4.0, what were the other three? // *VoxEU/CERP*. 19.12.2018. — URL: voxeu.org/content/if-globalisation-40-what-were-other-three. (date of access: 05.06.2022).
- Bloomfeld A.* Patterns of Fluctuation in International Investment before 1914. Princeton. 1968.
- Coronavirus Resource Center. John Hopkins University & Medicine. — URL: coronavirus.jhu.edu/map.html (date of access: 05.06.2022).
- Daudin G., Morys M., O'Rourke K.* Globalization, 1870–1914. Cambridge. 2010. Pp. 5-29. — URL: [researchgate.net/publication/5114954_Globalization_1870-1914](https://www.researchgate.net/publication/5114954_Globalization_1870-1914) (date of access: 05.06.2022).
- Djankov S., Huang T., Jung E. etc.* The United States has been disengaging from the global economy // Peterson Institute for International Economics. 19.04.2021. — URL: [piie.com/research/piie-charts/united-states-has-been-disengaging-global-economy](https://www.piie.com/research/piie-charts/united-states-has-been-disengaging-global-economy) (date of access: 05.06.2022).

- Engel R., Hansen T.* The United States: A Cautious Return to Internationalism // Carnegie Endowment for International Peace. 17.02.2022. — URL: carnegieendowment.org/2022/02/17/united-states-cautious-return-to-internationalism-pub-86314 (date of access: 05.06.2022).
- The First “Golden Age” of Globalization (1870-1914). 13.04.2019, // A Big History of Globalization, World-Systems Evolution and Global Futures. Springer. 2019. Pp. 198-224. DOI: 10.1007/978-3-030-05707-7_11.
- Heimberger Ph.* Does economic globalisation affect income inequality? A meta-analysis // The World Economy. November 2020. Pp. 2960-2982. — URL: onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/twec.13007 (date of access: 05.06.2022).
- Hernandes R.* The fall of employment in the manufacturing sector // Monthly Labour Review. August 2018. — URL: bls.gov/opub/mlr/2018/beyond-bls/the-fall-of-employment-in-the-manufacturing-sector.htm/ (date of access: 05.06.2022).
- Impeachment of Donald J. Trump, President of the United States. Report of the Committee on Judiciary. House of Representatives together with Dissenting Views to Accompany H. Res. 755. 15.12.2019. Wash. — URL: govinfo.gov/content/pkg/CRPT-116hrpt346/pdf/CRPT-116hrpt346-pt1.pdf (date of access: 05.06.2022).
- Irwin D.* Globalization is in retreat for the first time since the Second World War // Peterson Institute for International Economics. 23.04.2020. — URL: piie.com/research/piie-charts/globalization-retreat-first-time-second-world-war. (date of access: 05.06.2022).
- King S.* The End of Globalization, the Return of History. New Haven. 2017.
- King S.D., Gagnon J.E.* Grave New World: The End of Globalization, the Return of History // Peterson Institute for International Economics. 08.06.2017. — URL: piie.com/events/grave-new-world-end-globalization-return-history (date of access: 05.06.2022).
- Kumar A.* Decoding Trump’s speech before the United Nations // Politico. 24.09.19 — URL: politico.com/story/2019/09/24/trump-speech-at-un-1507923 (date of access: 05.06.2022).
- Kung Ch.* The Past, Present and future of Globalization. ANBOUND Malaysia. June 2020. — URL: researchgate.net/publication/347549421_The_Past_Present_and_future_of_Globalization (date of access: 05.06.2022).
- Martell L.* The Third wave in globalization theory // International Studies Review. June 2007. Pp. 173–196.
- Milner H.* Is Global Capitalism Compatible with Democracy? Inequality, Insecurity, and Interdependence // International Studies Quarterly. December 2021. Pp. 1097-1110.
- Moran Th. and Oldenski L.* How Offshoring and Global Supply Chains Enhance the US Economy. Policy Brief. Number PB16-5. // Peterson Institute for International Economics. April 2016. — URL: piie.com/publications/policy-briefs/how-offshoring-and-global-supply-chains-enhance-us-economy (date of access: 05.06.2022).
- Olivie I., Santos M. G.* The end of globalisation? A reflection on the effects of the COVID-19 crisis using the Elcano Global Presence Index // Real Instituto Elcano. 04.05.2020. — URL: realinstitutoelcano.org/en/analyses/the-end-of-globalisation-a-reflection-on-the-effects-of-the-covid-19-crisis-using-the-elcano-global-presence-index/ (date of access: 05.06.2022).
- Pisani-Ferry J.* The Geopolitical Conquest of Economics // Project Syndicate. 30.09.2021. — URL: project-syndicate.org/commentary/geopolitics-is-trumping-economics-by-jean-pisani-ferry-2021-09 (date of access: 05.06.2022).

- Posen A.* The End of Globalization? What Russia's War in Ukraine Means for the World Economy // Foreign Affairs. 17.03.2022. — URL: foreignaffairs.com/articles/world/2022-03-17/end-globalization (date of access: 05.06.2022).
- Posen A.* The Post-American World Economy. Globalization in the Trump Era // Foreign Affairs. 14.02.2018. — URL: foreignaffairs.com/articles/united-states/2018-02-13/post-american-world-economy (date of access: 05.06.2022).
- Rennen W., Martens P.* The Globalization Timeline // Integrated Assessment. 2003. №3. Pp. 137–144.
- Rodrik D.* Populism and the economics of globalization // Journal of International Business Policy. June 2018. Pp.12–33.
- Shrider A., Kollar M., Chen F., Semega J.* Income and Poverty in the United States: 2020. Current Population Reports. U.S. Census Bureau. September 2021. — URL: census.gov/content/dam/Census/library/publications/2021/demo/p60-273.pdf (date of access: 05.06.2022).
- Testimony to the Select Committee on Economic Disparity and Fairness in Growth. Hearing on Globalization on September 28, 2021. U.S. House of Representatives. Submitted by Adam S. Posen. 24.09.2021. — URL: fairgrowth.house.gov/sites/democrats.fairgrowth.house.gov/files/documents/Posen%20Testimony%20on%20globalization%20to%20Select%20Committee%20on%20Economic%20Disparity%20and%20Fairness%20in%20Growth%2024Sep21.pdf (date of access: 05.06.2022).
- Thomas M., Thompson A.* Empire and Globalisation: from 'High Imperialism' to Decolonisation // The International Historical Review. 2014. № 1. Pp. 142–170.
- Trump D.* Remarks by President Trump to the 74th Session of the United Nations General Assembly // The White House. 25.09.2019. — URL: trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-74th-session-united-nations-general-assembly/ (date of access: 05.06.2022).
- Ülgen S., Inan C.* From the Local to the Global: The Politics of Globalization // Carnegi Europe. 17.02.2022. — URL: carnegieeurope.eu/2022/02/17/from-local-to-global-politics-of-globalization-pub-86310 (date of access: 05.06.2022).
- The U.S. Income Distribution: Trends and Issues. Report№ R44705 // Congressional Research Service. 13.01.2021. — URL: crsreports.congress.gov/product/details?prodcode=R44705 (date of access: 05.06.2022).
- What is Globalization? And How Has the Global Economy Shaped the United States? // Peterson Institute for International Economics. 19.10.2018. Updated 24.08.2021. — URL: piie.com/microsites/globalization/what-is-globalization (date of access: 05.06.2022).